

УДК 330.11 DOI: 10.14451/1.234.44

История денег К. Маркса — измена классовому подходу

© 2024 Будович Юлия Ивановна

Профессор Департамента экономической теории, доктор экономических наук, доцент.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва.

E-mail: JBudovich@fa.ru

Ключевые слова: классовый подход, капиталистический классовый подход, история денег, марксизм, классовая борьба, биметаллизм, золотой стандарт.

В настоящей статье рассматривается традиционно скрываемая марксизмом от взора читателей история денег, написанная самим К. Марксом, раскрываются обстоятельства, побуждающие к ее сокрытию, а именно то, что основатель классового подхода к истории К. Маркс создал историю денег, согласно которой никакой классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми на денежном фронте никогда не было, где обосновывается абсолютная невозможность замены современных банковских денег деньгами, лишенными эксплуататорского характера. В статье рассматриваются причины измены основателя марксизма своему же классовому подходу — служение капитализму и лоббирование золотого стандарта.

Работа «К критике политической экономии», где впервые получило отражение Марксово видение истории денег (позднее доработанная в «Капитале»), была написана К. Марксом в августе 1858 — январе 1859 г. Что же касается метода К. Маркса — изучения исторических событий как результатов классовой борьбы, то он был анонсирован за 10 лет до написания черновика денежной истории — в 1848 г. в знаменитом «Манифесте коммунистической партии», начинающемся с слов:

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. / Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то

скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [11, с. 424].

В. И. Ленин писал:

«Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать... и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о классовой борьбе» [6, с. 43].

В. И. Ленин также дал понять, что классовый подход К. Маркса способен объяснить самую запутанную историю:

«Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность... в кажущемся лабиринте и хаосе, а именно: теорию классовой

борьбы» [7, с. 58].

С такими ленинскими напутствиями тем более читатель будет ожидать от истории денег К. Маркса открытий, достойных открытия скорой гибели буржуазии от рук пролетариев, сделанного в Манифесте, тем более что 10 лет вполне достаточно для того, чтобы провести вывод о классовой борьбе по немаловажной денежной истории. Однако ознакомление с историей денег К. Маркса ввергнет читателя, переполненного вышеуказанными ожиданиями, в полное разочарование. Оказывается, никакой классовой борьбы, во всяком случае таковой между угнетаемыми и угнетателями, вокруг денег во всей их долгой истории никогда не было, ее нет и никогда не будет вокруг современных банковских денег, и последние исчезнут не в результате классовой борьбы за выпуск денег, а сами собой при переходе к плановой экономике. Более того, денежная история коммуниста К. Маркса – повтор и дополнительное подтверждение ложной истории денег, сформированной буржуазным писателем А. Смитом как обоснование верха совершенства современных ему банковских денег. К. Маркс и не скрывает, что он занимается лишь осмыслением уже сформировавшейся истории форм товарного обмена:

«Формы, налагающие на продукты труда печать товара, ... успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, – последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, – а лишь в их содержании» [9, с. 85–86].

Цель настоящей статьи – показать, что история денег К. Маркса является результатом целенаправленного применения к денежной истории капиталистического (буржуазного) классового подхода, раскрыть причины измены К. Маркса классовому подходу в исследовании денежных отношений.

Цель и содержание капиталистического классового подхода к истории денег были подробно

рассмотрены в статье К. Н. Лебедева «Капиталистический классовый подход и история денег А. Смита», где также было показано, что Смитова история денег написана в соответствии с требованиями капиталистического классового подхода. Для решения первой задачи настоящего исследования покажем соответствие истории денег К. Маркса содержанию капиталистического классового подхода, сформулированного в терминах сокрытия того, что в истории денег открывает классовый подход (научный классовый подход, то есть примененный в интересах трудящихся). Капиталистический классовый подход к истории денег состоит в сокрытии того, как введение или совершенствование денежных форм приводит к обогащению или прекращению обогащения одних классов за счет других классов, прежде всего трудящихся, в затушевывании истории (и будущего) денег как цикла борьбы трудящихся за их исконные деньги (деньги-уведомления, учреждаемые сообществами товаропроизводителей) с капиталистами, в которой они (и их союзники из среды тех же капиталистов) вначале проигрывают, а затем выигрывают, в том числе планов будущей борьбы, в оправдании эксплуатации посредством денег (противодействия ее ликвидации) и осуждению ее ликвидации (противодействия эксплуатации), в препятствии разоблачению попыток капиталистических ученых скрыть классовую борьбу вокруг денег и оправдать капиталистическую эксплуатацию трудящихся посредством денег.

Доказательство соответствия истории денег А. Смита требованиям капиталистического классового подхода мы начали с анализа соблюдения его требований в части метода объяснения появления очередной исторической формы денег, сформулированных в последнем советском фундаментальном труде по методологии экономического исследования (Суслов, 1983). Чтобы квалифицировать метод К. Маркса, придется дополнительно обратиться к этому труду:

«Классовый апологетический характер метода буржуазной политической экономии раскрывается в исходных принципах, которые лежат в его

основе и определяют его содержание. Такими главными принципами выступают идеалистическая философия и метафизический метод исследования» [13, с. 29].

И выбором А. Смита стала метафизика, а К. Маркса – идеалистическая философия.

Мы уже рассматривали прием, посредством которого К. Маркс дополнительно обосновал и развил разработанную А. Смитом концепцию происхождения товарных денег из неудобств бартера – гегелевскую триаду «тезис – анти-тезис – синтез» в форме взаимосвязи суждений единичности, особенности и всеобщности, охарактеризовав ее прямое применение для соответствующей цели как грубейшее нарушение требований научного метода экономического исследования в части использования в исследовании аналогий с организмами [3, с. 160–162]. Теперь ясно, что это и было применением для вывода очередных исторических форм денег идеалистической философии.

Главное же подтверждение и дополнительное обоснование начальной истории денег А. Смита от бартера по деньги-металлы включительно было получено К. Марксом на основе другого приема идеалистической философии. Его можно назвать идеалистическим применением экономического принципа к деньгам как к вещам, в отличие от материалистического применения этого принципа у А. Смита. Данный прием К. Маркса состоит в объяснении развития форм товарообмена от бартера до товарообмена с использованием в качестве средства обращения металлов в слитках потребностью товаропроизводителей в адекватном выражении стоимости своих товаров в том, что на них вымениваются. Данная потребность возникла тогда, когда появился бартер, так как сразу стало ясно, что соответствующая ему форма выражения стоимости является крайне неэффективной. На основе критерия эффективности формы выражения стоимости – способность выражать ее в виде абстрактного человеческого труда или в чем-то отличном от собственной потребительной стоимости товаров (см. ниже), разрабатывался

очередной улучшенный вариант формы выражения стоимости, для внедрения которого в жизнь людьми соответствующим образом изменялась форма товарообмена, пока, наконец, не была выработана самая эффективная форма – выражение стоимости товаров в количестве золота, в результате чего люди перешли к самому совершенному – денежному товарообмену (последующий исторический ряд денег от правительственной монеты до современных банковских денег характеризует лишь этапы совершенствования денег-металлов, а конкретно – золота).

Подтвердим, что сказанное нами выше верно, положениями денежной истории, отраженной в «Капитале». Вот как К. Маркс характеризует цель исследования форм выражения стоимости:

«Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать... – проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег» [9, с. 57].

Как мы видим, идеалистическое применение экономического принципа к деньгам как к вещам К. Маркс даже выделяет в качестве своей особой научной заслуги.

Формы выражения стоимости товаров в порядке их исторического совершенствования:

1. Простая, единичная, или случайная, форма: 20 аршин холста = 1 сюртуку [9, с. 57].
2. Полная, или развернутая, форма: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унциям золота, или = 1/2 тонны железа, или = и т.д. [9, с. 72].
3. Всеобщая форма: 1 сюртук = 10 ф. чаю = 40 ф. кофе = 1 кварталер пшеницы 2 унции золота = 1/2 тонны железа = х товара А = и т. д. = 20 аршинам холста [9, с. 75].
4. Денежная форма: 20 аршин холста = 1 сюртук = 10 ф. чаю = 40 ф. кофе = 1 кварталер пшеницы = 1/2 тонны железа = х товара А = 2 унциям

золота [9, с. 79].

Марксова характеристика их относительной эффективности:

«Формы I и II достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, или его товарного тела... Вторая форма полнее, чем первая, отличает стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, например сюртука, противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто равное холсту, равное железу, равное чаю и т.д., – равное всему, чему угодно, только не самому сюртуку» [9, с. 75].

«Как нечто равное холсту (форма III. – примеч. авт.), стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими... Всеобщая форма стоимости... представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда» [9, с. 76–77].

«...Когда такое выделение (в качестве всеобщего эквивалента. – примеч. авт.) оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида (золота. – примеч. авт.) – лишь с этого момента единая относительная форма стоимости (форма IV. – примеч. авт.)... приобретает объективную прочность и общественную значимость» [9, с. 79].

Совершенствование форм выражения стоимости осуществляется на основе экономического принципа, то есть в порядке преодоления недостатков предыдущей формы. Так, приводятся недостатки полной, или развернутой, формы стоимости, например:

«...Относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается» [9, с. 75].

Приводятся соответствующие достоинства сменившей ее всеобщей формы стоимости:

«Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают их в единственном товаре, и 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре» [9, с. 75].

Потребность в использовании более эффективной формы выражения стоимости вызвала переход к очередной форме товарообмена, который К. Маркс даже не называет совершенствованием форм товарообмена, поскольку реально совершенствовались формы отражения форм товарообмена в сознании продавцов. Так, несовершенство случайной формы выражения стоимости сделало необходимым переход к развернутой форме, который потребовал соответствующего изменения формы товарообмена:

«Развернутая форма стоимости впервые встречается фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары» [9, с. 75].

Развернутая форма перестала удовлетворять продавцов в условиях расширения товарообмена, и возникла необходимость перехода к использованию всеобщей формы, то есть вымещения товаров на деньги-товары:

«...Необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена» [9, с. 98].

Не сложно понять, что изменение форм товарообмена под воздействием совершенствования форм выражения стоимости товаров в сознании их продавцов означает, что денежное сознание определяет денежное бытие. При этом соответствующая субъективная теория развития форм товарообмена и денег была впервые представлена читателям К. Марксом как раз в той работе («К критике политической экономии»), где (в предисловии) было сформулировано знаменитое

положение марксизма «бытие определяет сознание»:

«Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [8, с. 7].

Таким образом, Марксова история денег – измена не только классовому подходу, но и материализму.

В анализе развития форм стоимости представлена провальная попытка К. Маркса использовать для объяснения смены форм товарообмена материалистически примененный экономический принцип (теперь формы выражения стоимости возникают благодаря появлению соответствующих форм товарообмена) в виде дарвиновской эволюции, а именно для объяснения перехода от прямой мены к товарным деньгам, а внутри товарных денег – перехода к деньгам-товарам, выступающим главными предметами импорта или предметами потребления, являющимися главными предметами внутренней мены:

«Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается, это сначала дело случая. Однако,

в общем и целом, два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее важными из предметов, которые получают путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же – с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот» [9, с. 98–99].

Попытка объяснения эволюцией по Дарвину появления денег-товаров была бы успешной, если бы К. Маркс доказал, что товарообмен с использованием товарных денег более эффективен, чем постоянная прямая мена товаров, и показал, в чем состояли спонтанные негативные изменения постоянной прямой мены, и как они могли возникнуть у людей, руководствующихся экономическим принципом. Попытка же объяснения эволюцией по Дарвину закрепления функции средства обращения за вышеуказанными предметами была бы удачной, если бы К. Маркс доказал, что именно главные предметы импорта или предметы потребления, выступающие главными предметами внутренней прямой мены, всегда являются более эффективными средствами обращения, чем неглавные, например главный предмет потребления скот является более удобным средством обращения, чем неглавный предмет потребления – значительно более портативная соль. Объяснение К. Маркса является не только неполным, но еще и отчасти выдачей черного за белое – желая изобразить конкуренцию между предметами мены на роль всеобщего эквивалента, К. Маркс выдает за варианты всеобщей формы стоимости предметы, которые понадобились двум членам племени как предметы потребления, а не как товарные деньги (ниже мы еще будем возвращаться к характеристике метода К. Маркса в истории денег).

И, несмотря на указанное выше, анализ развития форм стоимости традиционно выдается и продолжает выдаваться в марксистском варианте ортодоксальной истории денег (ОИД) за шедевр научного экономического исследования.

Традицию его выдачи за шедевр, очевидно, основал третий классик марксизма-ленинизма — В. И. Ленин, который в своей работе «Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма)» (1915), в экономическом учении К. Маркса в качестве важнейшего достижения выделил анализ стоимости, в том числе анализ форм стоимости и денег [7, с. 61–62].

Также предварительно покажем, что история денег К. Маркса характеризуется тем же историческим рядом денежных форм, что и история денег А. Смита: деньги-товары, деньги-металлы, правительственные монеты и бумажные деньги, банковские деньги с полным резервированием и с частичным резервированием.

Деньги-товары — товары — всеобщие эквиваленты, использование которых в качестве средства обращения началось при переходе людей от развернутой формы выражения стоимости к всеобщей форме, в качестве примера которых К. Маркс приводит скот (см. выше).

Деньги-металлы — деньги, использование которых в качестве средства обращения началось при переходе людей от всеобщей формы выражения стоимости к денежной форме, к которым К. Маркс относит исключительно золото и серебро (см. ниже).

Следует отметить, что переход к деньгам-металлам К. Маркс также дополнительно объясняет на основе материалистически примененного экономического принципа (к деньгам как к вещам, или, что то же самое, в интересах всех классов или в общенациональных интересах) и в эволюционной форме, которая после вышеуказанной попытки сводится к подчеркиванию или изображению естественного характера происходящего с деньгами (и далее для объяснения появления очередной исторической формы денег пользуется исключительно этим методом):

«По мере того как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей

природе особенно *пригодны* (курсив авт.) для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам... Адекватной формой проявления стоимости... может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством... Денежный товар... должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро обладают этими качествами от природы» [9, с. 99]

Следующими историческими формами денег, по К. Марксу, являются правительственные монеты и бумажные деньги, развившиеся из функции денег как средства обращения:

«Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, мысленно представленная в цене, или денежном названии товаров, должна противостоять последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен (в целях обеспечения всеобщего признания. — примеч. авт.), чеканка монет попадает в руки государства» [9, с. 135].

При этом первые монеты были полноценными:

«Фунт стерлингов был... денежным названием для действительного фунта серебра... В течение целого ряда веков государи занимались непрерывной фальсификацией денег, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия» [9, с. 109–110].

«...В обращении золотые монеты стираются... Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами... Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно не зависимой

от их веса, т.е. от всякой стоимости. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, – бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью... Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом» [9, с. 136–137]. «Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 ф. ст., 5 фунтов стерлингов и т.д., бросаются в процесс обращения извне государством» [9, с. 138].

Следующей формой денег, по К. Марксу, стали развившиеся из функции денег как средства платежа банковские деньги с полным резервированием (из чего следует, что банковские деньги с частичным резервированием – последняя историческая форма денег):

«Амстердамский банк, основанный в 1609 г., так же мало, как и Гамбургский банк (1619 г.), знаменует эпоху в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Боны, выпускавшиеся банком, были в действительности лишь расписками о получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной надписью их владельца» [10, с. 152].

Появление всех кредитных средств платежа денег К. Маркс объясняет экономическим принципом в его эволюционной форме, примененным к деньгам в общенациональных интересах:

«Одновременность и параллельность продаж ограничивают возможность компенсации массы монет увеличением быстроты их обращения. И наоборот, эти же самые обстоятельства создают новый рычаг экономии (курсив авт.) на средствах платежа. Но мере концентрации платежей в одном и том же месте естественно (курсив авт.) развиваются особые учреждения и методы взаимного погашения платежей. Таковую

роль играли, например, *virements* [переводы долгов] в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые требования А к В, В к С, С к А и т.д., чтобы в известных пределах взаимно погасить их как положительные и отрицательные величины. Выплатить придется лишь разницу. Чем больше концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся средств платежа» [9, с. 148–149].

Покажем, что история денег К. Маркса соответствует собственно отрицательной формулировке капиталистического классового подхода к истории денег (см. выше).

Марксова история денег, прежде всего, скрывает то, как введение или совершенствование денежных форм приводит к обогащению или прекращению обогащения одних классов за счет других классов, прежде всего трудящихся. Так, К. Маркс, описывая появление порчи монеты правителями и появление бумажных денег правителей, не сообщает, с какой целью велась порча монеты государями, и вводились бумажные деньги, какие классы и как обогащались посредством соответствующих денег и за счет каких классов, в частности трудящихся (см. выше).

Если случаи ограбления трудящихся посредством денег К. Марксом и приводятся, например, ограбление кредитом и налогами, то случаи, которые имели место до появления банковских денег, то есть связанные с использованием правительственных денег:

«...В античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебей, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма, – а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, – здесь лишь отражает в себе антагонизм глуб-

же лежащих экономических условий жизни» [9, с. 147].

«Ужасная нищета сельского населения Франции при Людовике XIV... была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги» [9, с. 152].

На этом фоне К. Маркс даже начинает осуждать деньги, приводя в сноске соответствующие цитаты, например:

«Деньги сделались всеобщим палачом», «Деньги объявляют войну всему роду человеческому» [9, с. 152].

Целый ряд способов ограбления трудящихся посредством современных банковских денег связан с денежными кризисами. К. Маркс выводит возможность денежных кризисов из функции денег как средства обращения и отмечает, что она превращается в действительность при капитализме:

«Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он что-то продал... Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т.е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно – в форме кризиса... Уже эти формы заключают в себе возможность – однако только возможность – кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют» [9, с. 124].

При этом развитие денег в функции средства обращения К. Маркс связывает с появлением правительственных монет и далее бумажных денег правительств, то есть возникновение денежных кризисов при капитализме К. Маркс фактически связывает с использованием правительственных денег.

С другой стороны, К. Маркс не может не признать, что денежные кризисы возникают и в эпоху банковских денег:

«Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие... Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент производственных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом...» [9, с. 149]. «Денежный голод не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, например банкнотами» [9, с. 150]. «Этот денежный кризис, который... определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой – банки, биржи, финансы» [9, с. 149].

Однако К. Маркс (в отличие от А. Смита) не раскрывает механизмов развития денежных кризисов в эпоху банковских денег, прежде всего таких с частичным резервированием. К. Маркс уклоняется даже от рассмотрения функционирования последних, лежащее в основе соответствующих механизмов, подменяя его рассмотрением использования этих денег хозяйствующими субъектами:

«В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется главным образом в сферу розничной торговли» [9, с. 151].

В сноске получает характеристику платежная деятельность крупнейшей торговой фирмы Лондона, использующей в качестве средства обращения как банковские кредитные деньги: чеки банкиров и т.д. на предъявителя, банкноты провинциальных банков и Банка Англии, срочные векселя банкиров, так и другие средства: срочные векселя купцов, золото, серебро и медь, почтовые переводы [9, с. 151]

К. Маркс не рассматривает способы ограбления

одних классов другими, в том числе трудящихся капиталистами, посредством кризисов банковских денег, например, следующей цитатой рисует только начальное воздействие соответствующего денежного кризиса на пролетариат (да еще и в весьма отдаленные времена):

«Бедняк сидит без работы, потому что богатч не в состоянии дать ему работу из-за недостатка денег, хотя они имеют ту же самую землю, те же самые руки для производства средств существования и одежды, какие имелись у них раньше; а ведь именно это и составляет действительное богатство наций, а отнюдь не деньги» (John Bellers. «Proposals for Raising a College of Industry». London, 1696, p. 3) [9, с. 149].

Единственный механизм формирования денежного кризиса, приводимый К. Марксом, состоит в придерживании банкнот, причем не сообщается, как и за счет кого на этой операции банкиры наживаются:

«Один старый алчный банкира (из Сити) «приподнял крышку конторки, перед которой сидел в своем кабинете, и, показав своему другу пачки банкнот, заявил с нескрываемым торжеством, что здесь целых 800000 ф. ст., которые он удерживал у себя, чтобы обострить нужду в деньгах, но сегодня же после трех часов пустит их в оборот» [9, с. 150].

Мастерство капиталистического историка денег проверяется умением скрыть классовую борьбу вокруг банковских денег с частичным резервированием, введение которых означало поражение правительства в борьбе с частным капиталом за выпуск необеспеченных денег. Для такого сокрытия конкурирующие бумажные деньги правительства и банковские деньги с частичным резервированием К. Маркс представил деньгами разного происхождения (1-е – произошли от денег в функции средства обращения, 2-е – от денег в функции средства платежа), историю денег после правительственных денег превратил в общую историю кредитных средств обращения, стараясь банковские деньги вообще не упоминать (случаи упоминания приведены

нами выше). Далее, К. Маркс в соответствующих целях использует Смитов прием – разделяет историю денег на две части, из которых последняя, в которой рассматривается появление банковских денег с частичным резервированием, прячется в глубине произведения – она получает отражение в 3-м томе «Капитала» в главе 36, да еще и с названием «Докапиталистические отношения». И здесь их появление трактуется как результат совместной победы правительства и частного капитала над общенациональным злом – ростовщичеством. Соответствующее сотрудничество правительства и частного капитала началось еще с создания кредитных ассоциаций:

«Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли освободиться от господства старомодных ростовщиков и монополистов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городах-республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, из которых государство получало ссуды под будущие налоговые поступления, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободиться от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободиться от них самих себя» [10, с. 151]. «Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банковского дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самое монополию благородных металлов путем создания кредитных денег» [10, с. 153].

Таким образом, по К. Марксу, классовая борьба

ба вокруг банковских денег с частичным резервированием – борьба правительства только с такой прослойкой банкиров, как ростовщики (в Англии – ювелиры), и борьба внутри класса банкиров. Ограбление ростовщиками правителей, попытки ростовщиков уничтожить банки с частичным резервированием К. Маркс не стесняется и описывает (посредством цитат):

«...Еще Карл II английский должен был уплачивать «золотых дел мастерам» (предшественникам банкиров) «огромные ростовщические проценты и лаж, 20–30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения любые парламентские субсидии, как только они будут сделаны, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог векселей, чеков и налоговых документов, так что фактически все государственные доходы проходили через их руки» [10, с. 151].

«В течение первых десяти лет банку (Банку Англии. – примеч. авт.) приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... «золотых дел мастера» (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банковского дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника» [10, с. 153].

Связывая появление банковских денег с частичным резервированием с победой над ростовщичеством, то есть с сокращением ограбления классом банкиров правительства, торговцев и промышленников, К. Маркс придает банковским деньгам репутацию справедливых денег. А то, что условием введения этих денег было резкое расширение кредитования правительства, означавшее увеличение процентных доходов банков, выплачиваемых правительством за счет средств налогоплательщиков, прежде всего трудящихся, К. Маркс не отмечает.

Далее покажем, что история денег К. Маркса – затушевывание истории (и будущего) денег как цикла борьбы трудящихся за их исконные деньги (деньги-уведомления, учреждаемые сообществами товаропроизводителей) с капиталистами, в которой они (и их союзники из среды тех же капиталистов) вначале проигрывают, а затем выигрывают, в том числе планов будущей борьбы.

К. Маркс скрывает, что деньги трудящихся (счетные деньги-время, счетные деньги-товары) были исходными деньгами экономики. Для этого деньги объявляются К. Марксом атрибутом товарообмена, или товарного производства, а предшествовавшая эпоха, в которой деньгами выступали деньги трудящихся, выдается за то время существования человеческого общества, когда товарообмена между людьми (семьями) вообще не было. Поскольку же такой эпохи быть не могло, так как само человеческое общество возникло в целях товарообмена или взаимопомощи в создании благ, необходимых для обеспечения существования, и самая ранняя документальная история человечества есть история товарообмена, остается прибегать к такому приему, как выдача товарообмена за его отсутствие, или выдача белого за черное. Такой прием, используемый К. Марксом, не отмечен даже в перечне приемов капиталистического классового подхода (см. статью К. Н. Лебедева «Капиталистический классовый подход и история денег»). Очевидно, чем откровеннее ложь, тем она более незаметна, что объясняет, почему историки экономики, выдающие описываемый ими «невещевой» товарообмен в древней экономике за отсутствие товарообмена, упорно называя соответствующую экономику «натуральным» хозяйством, до сих пор не привлекаются «к ответственности». Для выдачи черного за белое используется ряд технических приемов. Первый – выдача товаров за вещи, в то время как товарами являются и услуги. Не сложно обнаружить, что под названием «Товар» у К. Маркса постоянно фигурируют именно вещи. Если товарообмен есть обмен только вещами, то обмен услугами, которым по большей части был древний товарообмен, на-

пример, участие в постройке дома соседа с тем, чтобы при необходимости воспользоваться его помощью в чем-либо – не товарообмен. Очевидно, сам «Капитал» оказался бы чем-то другим, если бы К. Марксу приходилось учитывать существование товара-услуги. Второй – выдача товарообмена только за рыночный обмен. Отсюда товарообмен в племени, где было принято централизованное распределение работ и продуктов, – тоже не товарообмен. Третий – использование для этого товарообмена другого названия.

«Нетоварообмен», обслуживавшийся деньгами трудящихся, которым в современном цикле истории выступает товарообмен в раннефеодальной экономике (в соответствии с марксистской периодизацией истории), К. Маркс в своей истории денег прячет в «Товарном фетишизме» в качестве одного из примеров экономики, где «...общественные отношения лиц в их труде проявляются... именно как их собственные личные отношения, а не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда» [9, с. 87–88], как при товарном производстве. Покажем, как К. Маркс посредством вышеуказанных приемов внушает читателю, что явный товарообмен, присущий раннефеодальной экономике – вовсе не товарообмен:

«...Перенесемся в мрачное европейское средневековье... Мы находим здесь людей, которые все зависимы – крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы... Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину

он затрачивает определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа» [9, с. 87].

К. Маркс рассчитывает на то, что читатели не сообразят, что десятина крестьянина за благословение попа – такой же товарообмен, как дать 10 ф. чаю за 40 ф. кофе. Для этого он выдает отношения обмена в средневековье за централизованные (личной зависимости) и за мену услуг (натуральные службы, натуральные повинности), а сам обмен называет «Общественный круговорот».

К. Маркс скрывает параллельное с капиталистическими, в том числе с банковскими, деньгами существование денег трудящихся, в частности их существование на момент написания 1-го тома «Капитала», характеризуя другой вариант экономики, где общественной формой труда выступает его натуральная форма:

«Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т.д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары» [9, с. 87].

Прием капиталистического классового подхода, использованный здесь для сокрытия денег трудящихся, состоит в отбрасывании фактов, не укладывающихся в прокрустово ложе предвзятых мнений буржуазных экономистов (см. вышеуказанную статью К. Н. Лебедева). Речь идет о том, что деревенское патриархальное производство немецкой семьи в середине XIX в. в значительной мере состояло из оказания производственных услуг на сторону и использования производственных услуг со стороны внутри соседской общины. Вот соответствующие фрагменты из описания хозяйственного быта немецкого крестьянина в 50-х гг. XIX в., которое дал немецкий экономист Вернер Зомбарт

(1863–1941):

«Жилище крестьянин строил себе... сам, обращаясь, ...в случае непосильности отдельных операций, к помощи соседей, которым он отплачивал также личными услугами... Шитье одежды иногда оказывалось не по плечу крестьянской бабе; тогда являлся на помощь портной. Он несколько дней ест и спит в хате крестьянина, снабжая заплатами всю семью, а в случае нужды шьет и новое платье. Починку домашней и хозяйственной... утвари крестьянин производил сам, а для более сложных поделок обращался к деревенскому кузнецу и плотнику» [12, с. 7].

Источник, из которого взята вышеуказанная информация, характеризует значительно более полную картину подобного товарообмена в крестьянских общинах Черниговской губернии 1870-х гг. и на немецком примере отмечает общемировой характер подобной практики:

«Как видит читатель, это описание быта немецкого крестьянина... почти повторяет то, что было сказано относительно быта черниговского крестьянина...» [12, с. 7].

И это – только та взаимопомощь, которая касается «неосновного» производства крестьянских хозяйств.

К. Маркс скрывает, что товарообменная система с наличными деньгами-временем Р. Оуэном была воплощена в жизнь и функционировала в 1832–1834 гг. Мы уверены, что К. Маркс был в курсе этого яркого события борьбы трудящихся за свои исконные права, в данном случае – право печатать деньги, потому что основатель марксизма очень ревниво относился к успехам многочисленных идей Р. Оуэна. О последнем говорит следующая цитата из «Капитала»:

«Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, –

совершенно так же, как осмеивали его «соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом фабричном акте, третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства» [9, с. 308].

И подтверждают наше предположение слова К. Маркса, представляющие собой объяснение успеха трудовых бон Р. Оуэна:

«...«Рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т.е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта» [9, с. 104].

Конечно же, рабочие деньги Р. Оуэна обслуживали рыночную английскую экономику, так что К. Маркс в данном случае прибегает к такому приему капиталистического классового подхода, как фальсификация фактов.

Приведенная выше Марксова характеристика денег Р. Оуэна показывает, какими виделись К. Марксу деньги будущего. В соответствии с нашей классификацией наличные деньги Р. Оуэна – деньги-разрешения трудящихся, которые являются ступенью, переходной к высшей фазе денег трудящихся – безналичным деньгам-уведомлениям, прообразом которых являются деньги современных товарообменных локальных систем типа «банк времени» и LETS.

В наших работах было показано, что локальные товарообменные системы с деньгами трудящихся в начале и середине XIX в. были распространены и успешно функционировали – средний срок работы известных систем был в 1,5 раза больше среднего срока существования

коммерческих банков [1, с. 13–14]. К. Маркс в своей истории денег скрывает этот факт.

Далее покажем, что история денег К. Маркса – оправдание эксплуатации посредством денег (противодействия ее ликвидации) и осуждение ее ликвидации (противодействия эксплуатации). Они принимают форму доказательства невозможности обойтись без капиталистических денег и капиталистического кредита при капитализме и даже в обществе самозанятых (при мелкобуржуазном социализме), их имманентности капитализму и товарному производству в целом и соответствующего разоблачения ненаучности проектов по введению денег трудящихся в этих условиях и высмеивания их авторов.

К. Маркс доказывает, прежде всего (посредством теории развития форм выражения стоимости), неизбежность собственно денег при капитализме, первой формой которых стали слитки золота и серебра:

«Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги» [9, с. 96–97].

Из сноски видно, против кого направлено это теоретическое оружие:

«Мы можем теперь оценить по достоинству ухищрения мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоположность между деньгами и товаром», т. е. устранить

самые деньги, так как они существуют только как составная часть этой противоположности. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы, сохраняя в то же время католицизм» [9, с. 97].

За подробностями К. Маркс отсылает к работе «К критике политической экономии». Речь идет о проектах денег трудящихся с рабочим временем в качестве денежной единицы (Оуэна, Грея и др.). Важно отметить, что они были попытками устранить не только капиталистическую эксплуатацию деньгами и кредитом, но и такой вид эксплуатации посредством банковских денег, которым активно пользовались торговые и промышленные капиталисты в начале и середине XIX в. в целях удушения самозанятости (ремесленников, кустарей, фермеров и пр.), как неэквивалентный обмен. Для его устранения специальные органы предлагавшихся платежных систем должны были производить независимую оценку стоимости поступающих в торговую систему товаров, а участники товарообмена – раскрывать информацию о себестоимости своих товаров, что в экономике самозанятых является обычной практикой. Таким образом, товары должны были приобретать оценку в «непосредственно общественном времени». Именно за требование справедливой оценки стоимости товаров английский экономист Джон Грей (1798–1850) обвиняется К. Марксом в черновике истории денег (в работе «К критике политической экономии») в глупости:

«...Грей принимает содержащееся в товарах рабочее время за непосредственно общественное, ...считает, что продукты должны производиться как товары, но обмениваться не как товары» [8, с. 69].

В итоге К. Маркс в очередной раз доказывает, что банковские деньги невозможно уничтожить до уничтожения капитализма, тем, что сам Грей связывает свою денежную реформу с уничтожением основ капитализма:

«...Внутренняя последовательность заставляет Грея отвергать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет «реформиро-

вать» только возникшие из товарного обмена деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал, земельную собственность – в национальную собственность, и если внимательно приглядеться к деятельности его банка, то можно обнаружить, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельства на доставленный труд, но и регулирует самое производство» [8, с. 69].

К. Маркс как бы не против уничтожения банковских денег, – но только после уничтожения частной собственности на средства производства.

В 1-м томе «Капитала» К. Маркс еще не располагает теоретическим оружием для того, чтобы обвинить в ненаучности проект банка французского экономиста, родоначальника анархизма Пьера Жозефа Прудона (1809–1865), потому что денежной единицей его платежной системы была национальная денежная единица Франции – франк. Поэтому П.-Ж. Прудон обвиняется К. Марксом в глупости якобы за то, что мечтает превратить все товары во всеобщие эквиваленты (предметы всеобщей обмениваемости):

«...Столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допустимо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит пес plus ultra [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филлистерской утопии и составляет прудоновский социализм, ...который... не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Грей, Брей и др.» [9, с. 78].

В 3-м томе «Капитала» К. Маркс доказывает имманентность капитализму уже конкретно современных банковских денег и, естественно, порождающего их современного банковского

кредита:

«Кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны – движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм» [10, с. 156].

Таким образом, современные банковские деньги должны быть сохранены в целости еще и потому, что они обеспечивают быстрое движение капитализма к своей гибели. К. Маркс отыскивает дополнительное обоснование у своих оппонентов, а именно у сен-симонистов, и берет его на вооружение:

«...Кредит есть следствие того способа, по которому конституирована собственность» [10, с. 158]. «Следовательно, кредит отпадает вместе с данным конституированием собственности» [10, с. 158].

Таким образом, условием ликвидации капиталистического кредита (и денег) является еще и ликвидация частной собственности на средства производства. Но и это еще не все:

«Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда...» [10, с. 156].

Получается, что современные банковские деньги, по К. Марксу, надо сохранить и после победы пролетарской революции.

Имманентность капиталистического кредита товарному производству – как раз то теоретическое оружие, которое можно использовать против проекта банка П.-Ж. Прудона. Нами было показано, что этот проект состоял в создании локальной товарообменной сети с собственными наличными деньгами, которая должна была разрастись до общенациональных масштабов [1, с. 11–12]. Ее средства обращения не были ни знаками стоимости золота, так как не были им обеспечены, ни тем более звонкой монетой, в связи с чем проект П.-Ж. Прудона квалифицировался К. Марксом как уничтожение денег. При этом

за счет резкой экономии на капитале комиссии за пользование соответствующими деньгами и проценты по выдаваемым в них кредитам должны были быть минимальными. И К. Маркс пишет:

«Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги, был способен создать несусветную фантазию «дарового кредита», эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благих пожеланий» [10, с. 157].

Интересно, что К. Маркс не обрушивается с подобной критикой на авторов схожего проекта, который был воплощен в жизнь, но вскоре закрылся из-за неэффективности. Это – учрежденный еще до появления Банка Англии, а именно в 1683 г., национальный Кредитный банк, цель которого (согласно приведенной цитате) заключалась в следующем:

«Чтобы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка отдавать свои товары на хранение и получать кредит под свои лежащие без движения запасы, могли давать работу своим служащим и расширять свои предприятия, пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с убытком» [10, с. 154].

К. Маркс пишет:

«Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями под залог товаров на сумму 3/4 стоимости этих последних. Чтобы обеспечить таким векселям обращение, в каждой отрасли предпринимательства известное число лиц объединялось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же легко, как если бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик» [10, с. 154].

Такая избирательность К. Маркса объясняется тем, что деньги Кредитного банка шли на замену денег ростовщиков, а деньги банка Прудона – на замену современных К. Марксу банковских денег.

В итоге К. Маркс срывается на прямое восхваление банковских денег как верха денежного совершенства (в лице выпускающей их банковской системы):

«Банковская система, по своей формальной организации и централизации... представляет собой самое искусное и совершенное творение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства» [10, с. 154].

Перейдем к объяснению охарактеризованной выше измены основателя марксизма своему же классовому подходу при изложении истории денег. В наших работах был представлен альтернативный марксистскому закону соответствия производственных отношений (ПО) уровню развития производительных сил общий (то есть проходящий через всю человеческую историю) экономический закон, состоящий в чередовании тенденций трансфертной и товарообменной трансформации ПО (согласно нашей терминологии – сфер ресурсообеспечения). Разнообразные сферы обеспечения субъектов экономики необходимыми ресурсами представлены трансфертными (основанными на трансфертных сделках, «традиционные» финансы) и товарообменными (основанными на сделках купли-продажи товаров, «альтернативные» финансы) системами ресурсообеспечения, используемыми на конкурентных началах, например, банковский кредит на покупку оборудования и лизинг оборудования, налоговые доходы государства и доходы от оказания госуслуг или передачи в возмездное пользование госимущества. Трансфертная трансформация сфер ресурсообеспечения состоит в вытеснении вторых первыми, а товарообменная – вторыми первыми, а смена их тенденций обусловлена, прежде всего, изменением характера НТП (переходом от разработки средств индивидуального труда к разработке средств коллективного труда и наоборот). Открытие вышеуказанного общего экономического закона позволило представить историю как последовательность циклов трансфертно-товарообменной трансформации ПО, представляющих собой движение от экономики самоза-

нятых к капиталистической экономике и возврат к экономике самозанятых, конституирующим признаком которых, как и в марксизме, является характер обеспечения субъектов экономики такими важнейшими производственными ресурсами, как труд (труд наемный или свободный) и капитал (индивидуально-трудовой или частный) [5, с. 16–19]. Дальнейшие наши исследования позволили отнести к конституирующим признакам экономики еще и характер обеспечения субъектов экономики средствами обращения (деньги, эмитируемые самими трудящимися, или деньги, эмитируемые капиталистами, прежде всего правительством и банками). Современный, еще далекий от завершения цикл человеческой истории представляет собой движение от феодальной экономики самозанятых (Марксово «мрачное европейское средневековье». – см. выше) к капитализму наемного труда и далее к экономике самозанятых будущего (это движение началось на Западе в конце 1950-х гг.).

Как видно, в представленном выше современном цикле социально-экономического развития отсутствует коммунизм (социализм как низшая фаза коммунизма, собственно коммунизм как его высшая стадия). Это, естественно, потребовало выяснения места социализма как реально существовавшей социально-экономической формации, в современном цикле истории, соответствующего объяснения причин его появления и исчезновения. И нами была выдвинута концепция коммунизма как «пожарной машины» капитализма, согласно которой коммунистические режимы возникают там, где появляется реальная угроза гибели капитализма и победы самозанятости, как это было в нашей стране в 1917 г. после победы Февральской революции, «зачищают» самозанятость в стране, укрепляют в ней экономические основы капитализма в виде развития наемного труда и государственной собственности на средства производства и после решения соответствующих задач передают власть обратно в руки капиталистов [4, с. 53–54]. В духе этой концепции нами была интерпретирована идеологическая и революционная деятельность и основателей марксизма-

ленинизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Накануне европейских революций 1848–1849 гг. («Европейской весны») в Европе возникла реальная возможность победы самозанятости над еще неокрепшим капитализмом. Идеологическая деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса накануне революций была интерпретирована нами как попытки внести раскол в рабочее движение путем дезориентации такой прослойки трудящихся, как пролетариат. Революционная деятельность основоположников марксизма была интерпретирована как попытка захвата государственной власти в развитых странах Европы, прежде всего – в Германии, на волне и от лица рабочей революции, как раз с целью сохранения основ капитализма, создания для его успешного развития необходимых социально-политических условий и обратной передачи власти в странах капиталистам. Но эта услуга не понадобилась, так как в соответствующих революциях победили капиталисты. Однако рабочий класс вскоре оправился от поражения и под воздействием анархической агитации, направляемой, прежде всего, П.-Ж. Прудоном, стал готовиться к новым революционным выступлениям, угроза которых для капитализма была весьма актуальна до тех пор, пока капиталистические ПО в странах не стали преобладающими, и пролетариат не потерял свою революционность по причине его трансформации в потомственный пролетариат. В этот период К. Маркс и Ф. Энгельс возглавили идеологическую борьбу капиталистов с самозанятостью в лице анархизма [4, с. 47]. Очевидно, к концу 1850-х гг. основоположники марксизма пришли к выводу, что третьим конституирующим признаком экономики является характер ее денежной системы, чем и объясняется защита К. Марксом капиталистических банковских денег от попыток их замены деньгами трудящихся, прежде всего от проектов, предлагавшихся анархистами, в виде формирования пробанковской истории денег в работе «К критике политической экономии» и в «Капитале», что было названо нами изменой классовому подходу.

Однако изучение нами широкой литературы позволило открыть у К. Маркса и личные мотивы

формирования его денежной истории. Предварительно обратим внимание на следующее. Как в работе «К критике политической экономии» (1859), так и в «Капитале» (1867), К. Маркс критикует биметаллизм (за его несоответствие функции денег как меры стоимости):

«Фактически в таких странах, как Франция, где по закону оба металла являются мерой стоимостей и оба должны приниматься при платежах, — причем каждый по желанию может платить в том или другом металле, — тот металл, стоимость которого повышается, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, в то время как мерой стоимостей служит только этот последний. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону функцией меры стоимостей были наделены два товара, фактически эта функция всегда закреплялась лишь за одним из них» [8, с. 60].

«Если мерой стоимости служат одновременно два различных товара, например золото и серебро, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно уживаются рядом, пока остается неизменным отношение между стоимостями золота и серебра, например 1:15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает существующее отношение между золотыми и серебряными ценами товаров и таким образом доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции» [9, с. 106].

В обеих работах К. Маркс объясняет то, что в качестве примера денег использует золото, необходимостью упрощения, хотя ни к какому упрощению Марксовых рассуждений это реально не ведет:

«Ради упрощения в качестве денежного товара везде предполагается золото» [8, с. 49].

«В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является золото» [9, с. 104].

Остается предположить намек на необходимость упрощения биметаллической денежной системы переходом к золотому обращению.

Если в труде «К критике политической экономии» (1859) золото становится денежным товаром в силу вышеуказанного упрощения, то в «Капитале» (1867) К. Маркс уже утверждает, что роль денег закрепились за золотом:

«Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров... исторически завоевал определенный товар, а именно золото» [9, с. 79].

Таким образом, К. Маркс отстаивает использование не просто банковских денег с частичным резервированием, а конкретно таких, функционирование которых основано на золотой монете.

Из работы (Катасонов, 2021) выясняется, что в период наполеоновских войн семейство Ротшильдов в результате ростовщических операций сосредоточило в своих руках большие запасы золота и придумала такую операцию по обогащению, как лоббирование введения в странах золотого стандарта и выдача им ссуд в золоте для формирования необходимых резервов. Так как рост товарной массы опережал рост добычи золота, цена золота должна была постоянно расти, и золото, находящееся в собственности Ротшильдов, должно было не только прирастать в физическом объеме за счет процентов по золотым ссудам, но и постоянно увеличиваться в цене. Пятеро сыновей Майера Амшеля Ротшильда даже обосновались в Лондоне (Натан), Париже, Вене, Неаполе и Франкфурте-на-Майне с целью лоббирования введения в соответствующих странах золотого стандарта. Но удалось добиться только действия золотого стандарта в Великобритании в 1816 г., а также к середине XIX в. втянуть в «золотой клуб» Австралию

(в 1852 г.), Канаду и Португалию (в 1854 г.) [2]. Очевидно, дальнейшие усилия Ротшильдов привели к развитию событий по недостаточно устраивавшему их сценарию, так как вместо того, чтобы отказаться от серебряного стандарта и перейти к золотому, целый ряд стран принял биметаллизм. В 1865 г. по инициативе Франции был создан Латинский монетный союз с участием Франции, Бельгии, Италии и Швейцарии, зафиксировавший соотношение между золотом и серебром 1:15 \square , к которому позднее присоединились Испания, Греция, Испания, Румыния, Болгария, Венесуэла и др. И попытка Ротшильдов уговорить страны отказаться от биметаллизма и перейти к золотому стандарту была предпринята в 1867 году на Парижской валютной конференции с участием представителей 20 стран, в том числе России, созванной по инициативе французского императора Луи Наполеона III, попавшего под влияние Ротшильдов [2]. Первый том «Капитала» вышел в 1867 г. Не к Парижской ли валютной конференции было приурочено это событие? Не потому ли анализ капиталистического способа производства в «Капитале» фактически начинается с анализа денег (Отдел первый «Товар и деньги»), денег, имманентных капиталистическому производству, в качестве которых обосновывалось именно золото?

Не сложно обнаружить, что в анализе денег К. Маркс активно использует несвойственный научной речи литературный прием «олицетво-

рение», состоящий в перенесении на неживые предметы и отвлеченные понятия свойств и качеств людей [15].

«...Холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира» [9, с. 73].

Как отмечают специалисты, «олицетворение... расширяет возможности слова в передаче картины мира, ощущений и чувств, в выражении своего отношения к изображаемому» [15]. Олицетворение товаров и выдвинутого ими на роль всеобщего эквивалента золота (см. выше) позволяет усилить воздействие Марксовой идеи золотых денег на читателя.

Денежная история К. Маркса, таким образом, служила бизнесу Ротшильдов. И, как выясняется, ряд исследователей генеалогического древа Марксов приписывают К. Марксу родство по материнской линии с шестью детьми Натана Майера Ротшильда, что дает основание некоторым западным исследователям объяснять успехи марксистской идеологии в Европе финансовой и административной поддержкой клана Ротшильдов. Что касается последней, то Лайонел Натан Ротшильд в 1847 г. был избран в Палату общин английского парламента, а его брат Натаниэл в 1865–1885 гг. был членом этой палаты [14].

Библиографический список

1. Будович Ю. И., Будович М. С. Обменные банки Р. Оуэна и народный банк П.-Ж. Прудона с точки зрения теории нефинансовой экономики // Экономические науки. – 2021. – 3 (196). – С. 7–16. – DOI: [10.14451/1.196.7](https://doi.org/10.14451/1.196.7).
2. Катасонов В. Ротшильды заманили Россию в золотую мышеловку / Школа геополитики Николая Старикова. – URL: <https://boosty.to/nstarikov> (дата обр. 08.05.2024).
3. Лебедев К. Н. История денег: ложный метод. Часть 1 // Экономические науки. – 2023. – 11 (228). – С. 153–165. – DOI: [10.14451/1.228.153](https://doi.org/10.14451/1.228.153).
4. Лебедев К. Н. Марксизм на службе у капитализма // Экономические науки. – 2022. – 12 (217). – С. 46–57. – DOI: [10.14451/1.217.46](https://doi.org/10.14451/1.217.46).
5. Лебедев К. Н. Общий экономический закон и исторический ряд способов производства с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. – 2022. – 10 (215). – С. 13–21. – DOI: [10.14451/1.215.13](https://doi.org/10.14451/1.215.13).
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – 594 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 26. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – 591 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1959. – 771 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1960. – 908 с.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Часть II. – 2-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1962. – 771 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. – 2-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1955. – 616 с.
12. России О. экономического строя / под ред. П. И. Броунова, В. А. Фаусека. – СПб. : Библиотека самообразования. Брокгауз-Ефрон, 1906. – 115 с.
13. Сулов И. П. Методология экономического исследования. – М. : Экономика, 1983. – 216 с.
14. Чаплыгин С. Основоположник марксизма, его родство с Ротшильдами и отношение к русским. – 2020. – URL: <https://aftershock.news/?q=node/869202&full&ysclid=1sum0yokfz704010529> (дата обр. 20.02.2024).
15. Что такое олицетворение. –. – URL: <https://russkiiyazyk.ru/leksika/что-такое-олитsetvorenje.html> (дата обр. 18.05.2024).